

Михаил Николаевич Загоскин

Комедия против комедии, или Урок волокитам

Комедия в трех действиях.

Первая комедия М.Н.Загоскина с которой познакомился петербургский зритель. Поставлена в Петербурге 3 ноября 1815 года.

Печатается по изданию: СПб., 1816.

Содержание

Предисловие к « Комедия против комедии » [1]	0004
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА	0008
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ	0009
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ	0036
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ	0065
КОММЕНТАРИИ	0090

Михаил Николаевич Загоскин
Комедия против комедии,
или Урок волокитам
Комедия в трех действиях

Предисловие к «Комедия против комедии» [1]

Я всегда был уверен, что, выключая дурного Журнала, ничто не может быть скучнее предисловия, и конечно не написал бы его, если б не находил за нужное изъяснить в коротких словах причины, побудившие меня сочинить сию комедию.

При первом представлении комедии «Урок кокеткам, или Липецкие воды» видел я, с каким восторгом была она принята публикою; но, несмотря на то, мог бы я предсказать автору, что он будет иметь неприятелей. Многие *полулитераторы*, не понимая или не желая понять истинного смысла некоторых мест сей пьесы, воспользовались удобным случаем выступить на литературное поприще и блеснуть не чужим, но (к несчастью) собственным своим умом; к ним присоединились, может быть, и те, коим не нравилась роль *Угарова*. Тупые эпиграммы, иронические сатиры, ругательные куплеты посыпались на автора; в них старались уверить публику, что «Ли-

пещкие воды» — дурная комедия. Упрямая публика не хотела им верить; старались выдавать гнусную клевету за истину; и сама истина показалась бы клеветою в их сочинениях. Не держась никакой партии, я слушал спокойно странные суждения противников сей комедии, находил их довольно забавными, редко спорил, потому что невозможно спорить с теми, которые вместо доказательств прочитают какую-нибудь жалкую эпиграмму или пропоют ругательные куплетцы; но находя много комического в сем литературном ополчении против «Липецких вод» и здравого смысла, решился написать комедию, в коей мог бы поместить мое мнение о новой пьесе и несколько забавных сцен, которых я был очевидным свидетелем.

Правда глаза колет. Я должен был ожидать, что враги «Липецких вод» сделаются и моими; твердо решившись молчать и не отвечать ни на какие критики, я не сказал бы ни слова о *мнении* какого-то *постороннего*, напечатанном в 46-м номере «Сына Отечества», если б не было в нем ничего, кроме ругательств; но сочинитель сей жалкой статьи

называет меня *представителем* и, как кажется, хочет дать почувствовать, что я есть не что иное, как орудие, употребленное другим; что через меня делает кто-то другой какое-то торжественное отречение: одним словом, *г. посторонний* хочет сделать и меня посторонним во всем, что касается до моей комедии.

Для избежания всех пустых толков я не скрывал своего имени и теперь снова повторяю, что *вся комедия, не исключая* первого явления во втором действии,[2] написана *одним* мною; но что успех ее приписываю я менее себе, чем прекрасной игре актеров; что, сочиняя мою комедию, я имел в виду одну истину, не помышляя ни о каких *трактатах* и *капитуляциях*, и что прошу всех господ *посторонних* и *не посторонних*, печатая подобные клеветы, не забывать подписывать своего имени. Впрочем, сочинитель сей статьи поступил еще довольно милостиво, называя меня представителем другого автора, он не отрицает, по крайней мере, моего существования; а есть такие догадливые люди, которые уверяют, что не только я, но даже и моя фамилия вымышлена[3]. Советую сим недоверчи-

ВЫМ господам заглянуть в дворянскую родословную книгу, и если они умеют читать по-русски, то найдут в ней неоспоримое доказательство, что на этот раз были они чересчур уже догадливы.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Графиня Болеславова, богатая вдова.

Софья

Княгиня Зарецкая, молодая вдова } ее племянницы.

Князь Тюльпанов.

Граф Фольгин, племянник его.

Изборский.

Эрастов, сочинитель.

Даша, служанка.

Действие происходит в загородном доме, близ Петербурга.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет комнату; сквозь окно виден сад.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Княгиня (оканчивает перед зеркалом свой туалет), Софья (сидит подле нее) и Даша.

Княгиня. Как я бледна, какой у меня усталый вид! (Софье.) Не правда ли, та chere⁽¹⁾?

Даша. Вы нынче очень рано изволили встать, сударыня.

Княгиня. И сверх того большую часть ночи не могла заснуть.

Софья. Отчего же? Разве вас что-нибудь беспокоило?

Княгиня. Вчерашняя пьеса.

Софья. Она не выходит у вас из головы.

Княгиня. Да! Несносная комедия!

Софья. Несносная! Вы, кажется, прежде ее хвалили.

Княгиня. Так зло, и что еще досаднее, с таким умом нападает на бедных женщин. Нас бранят, и мы же должны находить это прекрасным.

Софья. Мне кажется, княгиня, что автор хотел осмеять одних кокеток...

Княгиня. То есть тех, которые желают нравиться не одному, а многим. Признайся же, милая, что в этом смысле мы все немного кокетки.

Софья. Все! В этом я не согласна.

Княгиня. Да, все, не исключая и тебя, с тою только разницею, что одни употребляют для этого способы совершенно невинные, а другие позабывают все приличности и жертвуют всем, — добрым именем, мнением света и даже спокойствием, для того чтоб вскружить голову мужчине, к которому они ничего не чувствуют.

Софья. Поэтому вы находите, что характер кокетки...

Княгиня. Изображен с таким совершенством, что всякая женщина должна хоть немного в нем себя узнать.

Софья. Как хотите, княгиня, а я первая не нахожу в нем никакого сходства с собой.

Даша (княгине). Позвольте вас спросить, сударыня, что это за чудная комедия, об ней только и говорят, все ее ругают. Вы называете

ее несносною, а тетушка ваша графиня лишь только об ней вспомнит, то и начнется истерика; князь Тюльпанов, который приехал сегодня чем свет на нашу дачу, только и делает, что бранит комедию, сочинителя и даже тех, которым она нравится.

Княгиня. О! что касается до князя и тетушки, то они имеют полное право на нее гневаться. Столетний волокита и неутомимая бостонистка[4] как будто на заказ с них списаны.

Софья. Я не понимаю, отчего видите вы везде сходство, которого я никак не могу приметить.

Княгиня. Скажи лучше, что не хочешь. Знаешь ли, *ma chere*, что мне всего досаднее, для чего я не автор.

Софья. Вот странное желание!

Княгиня. Как приметно, что сочиняют мужчины, что партер наполнен мужчинами; везде нападают на бедных женщин и всегда с восхищением аплодируют каждому острому словцу, сказанному насчет нашего пола.

Софья. Ну, что же, если бы вы были сочинителем?

Княгиня. Что! О, я отомстила бы мужчинам, я доказала бы им, что они гораздо более нас заслуживают быть выведены на сцену, что в десяти женщинах едва ли есть одна кокетка, когда в таком же числе мужчин, верно, нет ни одного, который бы пропустил случай обмануть неопытную женщину или хвалить ее в глаза, а заочно над ней смеяться.

Софья. Неужели мужчины так злы?

Княгиня. Ты их еще не знаешь, милая! (*Задумывается*) Да! да! прекрасно, чего же лучше, попросим Эрастова, он сочинитель и, верно, не откажется быть нашим защитником или, лучше сказать, мстителем всего пола нашего.

Даша. О, верно не откажется, сударыня! Я еще не видала такого охотника писать; когда вы слушать его не хотите, то он поймает меня, да уж читает, читает, так что раза два успеешь выспаться.

Софья. Вы думаете, что комедию так легко написать.

Княгиня. Конечно трудно; да как же иначе отомстить мужчинам. Название уж готово, — пускай напишет он, вместо урока кокеткам,

урок ветреникам; в оригиналах он, кажется, не будет иметь недостатка.

Софья. Вы не шутя намерены просить его?

Княгиня. Напротив, очень серьезно. Я хочу, чтоб он вывел на сцену молодого ветреника, который боготворит каждую женщину и не любит никого, клянется в постоянстве поутру одной, а ввечеру другой, любит одного себя, хвалит одного себя, считает умным одного себя и смеется над всеми, выключая тех, которые ему подражают или которым он сам подражать старается.

Софья. Вы пугаете меня, княгиня. Неужели есть между мужчинами...

Княгиня. Такие любезные, милые ветреники? О, чрезвычайно много. Вот, например, один молодой человек, — ты знаешь его, очень знаешь, — как две капли воды похож на мое изображение, и Эрастов, если будет писать нашу комедию, не найдет, верно, лучшего оригинала для роли своего ветреника.

Софья. Кто же? Я, право, не знаю!

Княгиня. Бедненькая! и ты не можешь отгадать. Племянник князя Тюльпанова.

Софья. Граф Фольгин?

Княгиня. Точно.

Софья. Вы шутите. Он ветрен, это правда: но не способен быть обманщиком.

Княгиня. Ты это думаешь?

Софья. Он искренно меня любит.

Княгиня. Искренно любит — граф Фольгин! ха, ха, ха! Ах! ma chere, очень видно, что ты еще не жила в свете.

Софья. Почему ж кажется вам это невероятным? Я не имею никакой причины сомневаться в его искренности.

Княгиня. О, конечно! Странно только, что граф, несмотря на свою искреннюю любовь к тебе, старается меня уверить в том же; делает куры тетушке и волочится даже...

Даша. За мною. Да почему ж и не так, сударыня, ведь и я также женщина.

Софья. Это лишь ветренность. Я уверена, что граф любит одну меня.

Княгиня. Или, может быть, богатое приданое, которое тетушка дает за тобою.

Софья. Княгиня! Это уже обидно.

Княгиня. Не сердись, милая, — он точно так же любит тебя, как меня, как твою тетушку, как всех женщин. Ему надобно богатое

приданое, чтоб заплатить свои долги. Ах! та cousine^[2], как бы я была рада, если б вместо его женился на тебе Изборский.

Софья. У вас нынче все такие странности...

Княгиня. Ты была бы с ним гораздо счастливее, чем с этим графом Фольгиным. Вот уже другой год, как Изборский тебя любит.

Софья. Другой год! С чего вы взяли — он никогда не говорил мне ничего похожего на это.

Княгиня. Это-то и доказывает, что он истинно тебя любит. Непритворно влюбленные всегда застенчивы. Но сколько есть других способов показывать свою любовь. Изборский ищет беспрестанно случая быть вместе с тобою; один ласковый взгляд — и он счастлив; это написано на лице его. Поверь мне, в этих случаях женщины никогда не ошибаются. Я уверена, что Изборский любит тебя так же пламенно, так же страстно, как Малек-Адель любил свою Матильду.[5]

Софья. Если б это была и правда, то согласитесь...

Княгиня. Что граф более достоин любви, чем Изборский. О! в этом я никогда не согла-

шусь с тобою.

Софья. Он так холоден, так скучен...

Княгиня. Это одна застенчивость.

Софья. Я согласна, что он очень добр, скромн — имеет, может быть, познания, и когда бывает здесь один, то я нахожу его даже любезным, — все это правда, но когда он и граф вместе, то согласитесь, княгиня, что он делается тогда совсем незаметным.

Княгиня. Не удивительно, — один кричит о своих достоинствах, а другой скрывает их.

Софья. Что граф умен, очень умен, в этом, думаю, и вы должны признаться.

Княгиня. Несмотря на то что он сам в этом клянется беспрестанно, я осмеливаюсь ему не верить. Он, как говорится, натерт чужим умом: выучил наизусть кучу каламбуров, насмешек, острых слов, комплиментов, и более ничего.

Софья. Извините, княгиня! он очень любит литературу и знает почти всех известных писателей.

Княгиня. По именам — может быть; для этого нужна только одна память. Послушай, ну, если я докажу тебе точно на самом деле,

что Изборский гораздо его умнее и любезнее и что граф любит не тебя, а твое богатство.

Софья. Если вы мне докажете... Но это невозможно!

Княгиня. Первое совсем не трудно, Изборский и граф сегодня здесь будут — надобно только завести разговор, в котором ему нельзя было бы блеснуть чужим умом. Вот, например, о вчерашней комедии — я уверена, что ты, несмотря на свое предубеждение, будешь со мною согласна.

Даша. Сюда идут графиня и князь Тюльпанов. Они, кажется, с большим жаром о чем-то рассуждают.

Княгиня. Верно, о твоей свадьбе. Я только знаю, что князь приехал к вам так рано для того, чтоб переговорить об этом с графинею.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, графиня и князь.

Графиня (вполголоса князю). Да, князь, это будет кончено завтра или даже сегодня, но теперь ни слова. (Увидя Софью и княгиню.) А, ты здесь, Сонюшка! Ну что же вы здесь делаете,

время прекрасное — вам бы надобно прохаживаться, гулять, резвиться... Я, право, думала, что вы давно уже весь сад обегали. Ба! Со-нюшка, ты еще не совсем одета; пойди, кончи твой туалет.

Князь (*целуя руку Софьи*). Вы, верно, сударыня, остались дома для того, чтоб не заставить краснеть бедные розы[6], которые, увидя вас, должны от стыда завянуть.

Княгиня. Bravo, князь! вы бесценный человек для комплиментов, — какая игривость воображения: розы, которые краснеют от стыда, — как это замысловато! Откуда берете вы такие пиитические выражения?

Князь. Глядя на вас, сударыня, можно ли говорить иначе, как языком сердца. (*Взглянув на зеркало.*) Грации, как видно, только что окончили свой туалет.

Княгиня. Нет, грации занимались совсем другим. Мы сочиняли комедию.

Графиня. Комедию! Что вы это? Да знаете ли, что для меня разбойники лучше, чем сочинители комедий, — они хоть полиции бо-ятся, а на эти проклятые комедии и суда не найдешь. Уж эти авторы такую взяли волю,

что с ними и житья нет. Сиди все дома, да не смей никуда носу показать, а не то того и гляди, что упрячут тебя в какую-нибудь комедию. И кто выдумал писать эти комедии — и зачем играют эти комедии — и что толку в этих комедиях! Уф! как вспомню, то у меня дух так и захватит. *(Садится.)*

Князь. Не угодно ли вам воды, сударыня?

Графиня. Нет, теперь ничего, а вчерась уж подлинно, если б не гофманские капли[7], то не знаю, что б со мною сделалось. Скажите сами, батюшка, вывести на сцену почтенную даму, которая любит играть в бостон, бранить молодых людей, когда они дурачатся, и заставить весь партер над ней смеяться, — ну на что это похоже?

Князь. Это верх невежества!

Княгиня. Да зачем берете вы это на свой счет, тетушка? Мало ли есть охотниц играть в бостон и браниться.

Графиня. И! матушка, да я рада бы не брать это на свой счет, да поневоле возьмешь, когда станут на тебя пальцами указывать.

Княгиня. Будто вы не знаете, как зол свет; автор, может быть, и душой не виноват. По-

верьте, графиня, что тот, кто скажет вам, что автор имел намерение представить вас в своей комедии, желает зло одному ему и, может быть, пойдет от вас уверять в том же самом десять других дам, которых и имена даже незнакомы сочинителю.

Князь. Вы изволите защищать автора вчерашней комедии, сударыня; но позвольте вам заметить, что он, как по всему видно, никогда не читывал не только Овидиева искусства любить [8], но даже и ни одного хорошего любовного романа.

Княгиня. Быть может.

Князь. Он научился бы из них, как мы должны боготворить и уважать богинь сердец наших; узнал бы, что главнейшая обязанность мужчин состоит в беспрестанном служении прелестному полу, что человек некоторых лет может влюбляться, не будучи смешным, может любить, обожать, томиться, умирать от восторгов, целуя прекрасную руку. *(Хочет поцеловать руку княгини.)* Может...

Княгиня. Без доказательств, князь. Вы не дали мне окончить, тетушка. Наша комедия будет совершенно вопреки вчерашней. Мы

хотим доказать, что над мужчинами можно так же смеяться, как они смеются над женщинами.

Графиня. Вопреки! О! это другое дело; и если только можно хорошенько разбранить несносную пьесу, то пишите против нее все: комедии, трагедии, оперы и даже драмы.

Князь. И даже драмы! Прекрасно, сударыня, прекрасно! У меня есть приятель, удивительный человек для драм; ему написать драму в пяти действиях то же, что вам сыграть пулю в бостон. Если угодно, я попрошу его, и вы найдете в его драме все: жестоких отцов, несчастных любовников, слезы, вздохи, страхи, ужасы и даже, если надобно, разбойника.

Княгиня. И, князь! на что нам всю эту сволочь — ведь надобно только разругать вчерашнюю комедию.

Князь. За этим дело не станет; он разбранит ее без милосердия; выведет даже на сцену самого автора и заставит его плакать и вздыхать от первого явления до последнего.

Княгиня. Зачем же мешать невинных с виноватыми — что сделали нам бедные зрители?

Графиня. Что сделали? А разве они не аплодировали? Разве не вызывали автора? Поделом им. Да, князь, надобно путем их прочить, заказывайте смело драму.

Княгиня. И, графиня! пускай себе князь плачет и зевает сколько ему угодно, а мы будем смеяться и для того попросим Эрастова написать нам комедию.

Графиня. И в самом деле: ведь он сочинитель.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Эрастов.

Княгиня. Как вы кстати приехали, мы сейчас только о вас говорили.

Эрастов. Я только что из города. Недалеко отсюда обогнал я Изборского и графа Фольгина: они сейчас здесь будут.

Княгиня. Мы имеем до вас просьбу.

Эрастов. Приказывайте, сударыня.

Княгиня. Будьте защитником бедных женщин.

Графиня. Вступитесь за дам, которые любят играть в бостон и делать наставления мо-

лодым людям.

Князь. Умерьте публику, что не одни только те, которых должно еще водить на помочах, могут любить и нравиться прекрасному полу.

Эрастов (*княгине*). Изъяснитесь, сударыня, я, право, не понимаю.

Княгиня. Вы видели вчерашнюю пьесу?

Эрастов. Видел, сударыня.

Княгиня. Мы также были в театре. Нам всем досадно, что господа сочинители нападают всегда на женщин, несмотря на то что можно было бы найти много кой-чего смешного и в мужчинах — и для того намерены просить вас написать комедию, где вместо кокетки был бы выведен какой-нибудь ветреник, который, желая обманывать всех женщин, был бы сам обманут.

Эрастов. Написать комедию — вы шутите, княгиня: как осмелиться взять на себя такую обязанность, когда у нас завелись свои Мольеры[9] — свои неподражаемые комедии.

Княгиня. Про каких Мольеров вы говорите?

Эрастов. По крайней мере, так угодно мно-

гим величать автора вчерашней пьесы.

Княгиня. Тем лучше: вы докажете, что можно не только сравниться с этой неподражаемой комедией, но даже превзойти ее.

Эрастов. Конечно, сударыня, можно надеяться без дальнего самолюбия написать комедию, которая не будет иметь по крайней мере слишком разительных недостатков вчерашней пьесы; но для этого надобно, чтоб большая часть нашей публики имела более вкуса, более истинного понятия о всем изящном[10] — и для того позвольте мне не выполнить вашего желания.

Графиня. Что это, батюшка! Не хотите ли вы отказаться?

Эрастов. Я, право, графиня, не могу никак обещать.

Графиня. Если вы сейчас не согласитесь, то приятель князя напишет для нас драму.

Княгиня. И мы заставим вас прочесть ее с начала до конца.

Эрастов. До конца! Сжальтесь, княгиня! Я на все согласен.

Княгиня. У меня есть на примете прекрасный оригинал для вашего вертопраха.

Эрастов. Об этом я не забочусь. Я живу в хорошем обществе, сударыня; но интрига, план, завязка?..

Княгиня. Постойте... Да, да! Я думаю, мне удастся дать вам сюжет. Вам надобно будет только слушать и примечать.

Графиня. Послушайте, князь, время прекрасное, пойдемте теперь в сад — там в беседке можем мы покуда до гостей сыграть несколько королей в пикет. Дашенька!

Даша. Что вам угодно, графиня?

Графиня. Если кто к нам приедет, то скажи, что мы в саду. Пойдемте, князь. *(Подает руку князю.)* А ты что, племянница?

Княгиня. Я сейчас за вами буду.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Княгиня, Эрастов и Даша.

Княгиня. Дашенька, принеси мою шляпу.

Даша уходит.

Эрастов. Позвольте мне предложить вам мою руку.

Княгиня. Могу ли я отказать вам — вы вооружаете ее для защищения пола нашего. Я

осталась с вами одна для того, чтоб изъяснить в двух словах, в чем состоять должен сюжет вашей комедии.

Эрастов. Сделайте милость, сударыня.

Княгиня. Догадываетесь ли, кто должен быть оригиналом вашего модного ветреника.

Эрастов. О! сударыня, их так много, и они так сходны между собою...

Княгиня. Например, граф Фольгин.

Эрастов. Жених Софьи?

Княгиня. Вот этого-то именно я и желаю, чтоб вы поместили его в своей комедии. Послушайте, я хочу открыть глаза Софье и доказать ей, что граф ничтожный, пустой ветреник и женится не на ней, а на ее богатстве. Теперь, я думаю, вы меня понимаете. Вам должно будет только слушать и примечать, чтоб сочинить план вашей комедии. Может быть, сегодня же доберетесь вы и до развязки.

Даша (*принося шляпку*). Извольте, сударыня.

Княгиня. Пойдемте, дорогою расскажу я подробнее, что вам надо будет делать.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Даша (одна). Мне из ума нейдет вчерашняя комедия; все об ней говорят: одни бранят, другие хвалят. Как бы я желала ее посмотреть. Барышня сказывала, что в ней есть также горничная девушка, которая очень похожа на меня, и будто многие говорили, что она слишком умна для служанки! Какие смешные эти господа: думают, что теперь такие же глупые горничные, как лет сто назад. Нынче умной горничной стоит только лучше приодеться да пооткрыть побольше плечи, так она, право, иную и графиню перещеголяет.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Даша, граф и Изборский.

Граф. Ах, mon cher⁽³⁾, как я измучен, как устал! По чести, мне должно было бы никуда не выезжать из дому. Несносная мостовая!

Изборский. Мы, кажется, довольно спокойно ехали.

Граф. Правда, коляска моя не тряска, а со всем тем... А! Дашенька, ты здесь, душенька!

Даша. Здравствуйте, сударь.

Граф. Ты здесь одна, малютка?

Даша. Барышня еще одевается, а графиня с вашим дядюшкою и княгинею пошла в сад.

Граф. Скажи пожалуйста, Дашенька, отчего ты каждый день делаешься милее?

Даша. И приказала вас просить туда же.

Граф. Изборский, видал ли ты где-нибудь такую миленькую субреточку?

Даша. Вы, сударь, как кажется, не очень спешите увидеться с барышнею.

Граф. Мы успеем еще насмотреться друг на друга. *(Берет ее за руку.)* Послушай, миленькая!

Даша. Я, сударь, слушаю не руками. Ступайте в сад, графиня вас дожидается.

Граф. Э, Дашенька! оставь свою сиятельную барыню — кому придет в голову думать об ней, говоря с такой хорошенькой, прелестной служаночкою.

Даша. И, граф! вы уж мне наскучили, — все одно да одно. Оставайтесь же здесь, а я пойду сказать барыне, что вы приехали. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Граф и Изборский.

Граф (*подойдя к зеркалу*). Ах, боже мой! какое у меня измятое лицо. Я не похож на самого себя.

Изборский. Удивительно ли! Ты вчерась до четырех часов пробыл у барона.

Граф. Да неужели я должен был сделать то же, что ты, — уехать в одиннадцать часов! Фи, mon cher! Это уже слишком по-мещански.

Изборский. Как хочешь, граф, я не могу никак приучить себя танцевать или сидеть всю ночь за ломберным столиком, а потом спать до самого обеда.

Граф. О! тебе нужно еще ко многому приучить себя. Кто хочет жить в свете, тот должен всячески приноравливаться к образу жизни, к тону, принятому во всех обществах. Вот, например, ты никак не можешь отвыкнуть от своей смешной застенчивости. Вчерась ты почти не мешался ни разу в общий разговор.

Изборский. Виноват ли я, что не могу, подобно тебе, рассуждать с систематическою точностию, в каких случаях и каким образом

такой-то мизер можно выиграть или с такою-то игрою поставить ремиз, отчего в крепсе гораздо выгоднее кричать банко, чем делать самому предложение.

Граф. Положим, что, не будучи игроком, ты не можешь судить об игре, но вчерась у барона были сочинители, ученые, — они говорили о литературе.

Изборский. Я слушал их.

Граф. А сам не говорил ничего.

Изборский. Они рассуждали о сочинениях, которые известны мне по одному только названию.

Граф. Какая нужда! Ты также мог бы делать свои суждения: сказать, например, что слог такого-то автора тяжел, неприятен; завести спор, и если б не мог доказать своему противнику, то заставил бы по крайней мере думать других, что ты не меньше его имеешь познаний, потому что споришь и не хочешь с ним согласиться.

Изборский. Поэтому, граф, ты полагаешь, что наглость и страсть спорить о том, что для нас неизвестно или чего не понимаем, гораздо приличнее для молодого человека, чем

вежливость, скромность...

Граф. Скромность, скромность! Фи, mon cher! когда ты уймешься говорить об этой скромности? Нынче одни только матушки, да и то для одной проформы, твердят о скромности своим дочкам, которые чересчур бывают уж развязны.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Даша (подходит потихоньку и слушает).

Даша. Об чем они говорят?

Граф. Послушай, Изборский, я хочу непременно воспитать тебя и сделать человеком. Итак, верь мне, что из всех слабостей самая непростительная есть скромность. Ты можешь сам сомневаться в своих достоинствах, но не должен никогда показывать этого; уверенность в самом себе должна быть видна во всех твоих поступках; но более всего старайся говорить с похвалою как можно чаще о себе самом и как можно реже о других.

Даша (в сторону). Какие христианские поучения!

Изборский. Ты позабыл, граф, что одним глупцам прилично хвалить самим себя — умный человек предоставляет это всегда другим.

Даша (*в сторону*). Какова эта пиллюля?

Граф. Вот еще одно из тех дедовских изъетых молью правил. Нынче всякий, кто имеет хотя немного ума, старается его показывать, и тот только, кто его совершенно не имеет, молчит, или, говоря твоим языком, играет роль скромного человека.

Даша. Он не худо отделявается!

Изборский. Но разве человек с небольшим умом может уверить других, что он гораздо умнее, чем есть в самом деле?

Граф. О! очень часто. Я знаю здесь многих, которые, имея от природы ум весьма посредственный, до того кричали и заставляли кричать своих приятелей о необыкновенном их разуме, что, наконец, все им поверили и теперь закидали бы камнями всякого, кто осмелился бы в этом хотя немного посумниться; но я отбилсЯ от своего предмета; я хотел тебе открыть в двух словах великую тайну общежития.

Даша. Послушаем, что это за тайна.

Граф. В большом свете застенчивость считается главнейшим пороком. Надобно обо всем говорить с благородной смелостью, делать резкие суждения, находить в чем-нибудь или все превосходным, или все дурным. Сказавши глупость, не только не краснеть, но поддерживать ее и даже снова повторять, если то надобно; быть всегда любезным с женщинами, рассуждать с ними с видом глубокомысленным о безделицах, всегда льстить их самолюбию, стараться всем кружить головы и никогда не влюбляться самому.

Даша. Безбожник!

Изборский. Ты даешь наставления, а между тем не выполняешь их. Никогда не влюбляться! А Софья?

Граф. Ну что же? Разве это что-нибудь доказывает? Я хочу на ней жениться.

Изборский. Следственно, ты ее любишь?

Граф. Да, она довольно милая девушка, не слишком остра! не имеет совсем живости, любезности своей двоюродной сестры, но зато добра, как ягненок.

Даша. Негодный!

Изборский. И ты можешь говорить так равнодушно, так холодно об этой прелестной, несравненной Софье!

Граф. И, mon cher! я давно уже отвык от этих пламенных восторгов, особенно теперь, когда я намерен жениться, были бы они очень кстати. Супруг, аркадский пастушок, который тает от восхищения[11], смотря на томную свою подругу! О! я уморил бы со смеху всех моих знакомых.

Даша. Туда им и дорога!

Изборский. Впрочем, Софья имеет много достоинств: она тиха, снисходительна, и, кажется, будет предоброю женою.

Даша. Нет, я не могу уж более слушать. Граф!

Граф. А! Ты здесь, Дашенька! Уж не подслушивала ли ты нас?

Даша. Нет, сударь, я сейчас только вошла. Барышня пошла в сад, не угодно ли и вам туда же пожаловать?

Граф. Пойдем, mon cher. Прощай, плутовочка!

(Треплет ее по щеке и отходит с Изборским.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Даша (*одна, смотря им вслед*). Хорош гусь! И этот-то бездушный женится на моей барышне. Какая разница между ним и Изборским! Как бы я была рада если б княгине удалось то, о чем она давеча говорила с барышней. Хоть бы одного из этих модников вывести путем на свежую воду, может быть, тогда б стали им меньше верить или они поумнее б нас обманывали.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Театр представляет садовую беседку
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

*Граф, князь и графиня (играют в бостон);
Эрастов, Изборский, княгиня и Софья (сидят полукружием).*

Графиня. Вам делать сюры, князь.

Княгиня. Кстати, Изборский, я еще вас и не спрашивала, были ли вы вчерась в театре?

Изборский. Был, сударыня.

Княгиня. Что вы думаете о новой комедии?

Изборский. «Урок кокеткам, или Липецкие воды»?

Граф (*играя в карты*). Спросите лучше, княгиня, стоит ли она того, чтоб об ней что-нибудь думать.

Изборский. Как, граф! ты говоришь...

Граф. Да, я говорю, что она прежалкая пьеса.

Графиня. Да и вы, батюшка, прежалкий игрок! Что вы делаете! Ну так и есть, у вас дама сам-третей, а вы бьете бубны. Дать выиг-

рать такую игру! Вы были бы без двух, князь.

Граф. Извините, я заговорился.

Графиня. Прекрасное оправдание. Да разве можно говорить, когда играют в бостон. Зачем мешаться в их разговоры. Проклятая комедия! Восемь выиграны, мой ремиз взят, а вся беда опять от нее.

Граф. Мы так давно уж играем, что у меня голова начинает кружиться. *(Софье.)* Могу ли вас просить сыграть за меня несколько игр.

Софья. С великим удовольствием!

Княгиня *(тихо Софье).* Не забудь, что мы говорили поутру. Советую тебе замечать наш разговор.

Софья садится на место графа и начинает играть, а граф садится на ее место.

Княгиня. Растолкните мне, граф, что вы хотели сказать своей жалкой пьесой?

Граф. Мне кажется, это очень понятно, сударыня.

Княгиня. Итак, по вашему мнению, вчерашняя комедия...

Граф. Плоска, суха, несносна, скучна до бесконечности.

Изборский. Ты шутишь, граф.

Граф. Надобно иметь ангельское терпение, чтоб вынести ее до конца.

Изборский. Какие же имеешь ты причины находить ее дурною?

Граф. Тысячу. Во-первых, она от самого начала до последнего явления никуда не годится.

Изборский. Но чем докажешь ты это?

Граф. Чем, чем! Забавный вопрос. Как будто я обязан доказывать! Довольно — я говорю, что она никуда не годится — чего же тебе больше?

Изборский. Это еще не убедительное доказательство.

Граф. Я спал в продолжение всей пьесы.

Изборский. Может быть, перед этим ты играл целую ночь в крепе.

Граф. Я спал не один — все спали.

Изборский. Все! это что-то новое!

Граф. И если хочешь, покажу тебе эпиграмму, в которой то же самое напечатано.

Княгиня. Слышите ли, Изборский, надобно, чтоб вы были слишком упрямы, если не согласитесь теперь, что и вы спали вместе с другими.

Изборский. Я не буду сам отвечать. Графиня! позвольте вас спросить, уснули ли вы вчера в театре?

Графиня. И! батюшка, как можно было уснуть. Все как будто взбеленились: такое было хлопанье, что до сих пор в ушах звенит.

Граф. Это партер, вечная опора господ авторов. Как будто рукоплескание партера что-нибудь значит!

Князь. Это бы ничего, мой милый; но вообрази, до какой степени вкус публики испорчен — я сам видел, что аплодировали не только в креслах, но даже и в ложах!

Изборский. Видишь ли, граф, твоя эпиграмма солгала.

Граф. По крайней мере я не аплодировал ни разу и проснулся только в пятом акте от фейерверка[12], которым, как кажется, сочинитель хотел поразогреть свою пьесу.

Княгиня. Поразогреть свою пьесу — как вы злы, граф! Поразогреть! Как это остро! Мне досадно, что автор вас не слышит; я уверена, что это *поразогреть* было бы ему совсем не по сердцу.

Граф. Я намерен против него кой-что на-

писать. Стихов я не сочиняю, но какую-нибудь сатиру в прозе. О! сударыня, если б вы знали, что у меня есть в голове...

Князь (*играя*). Гранд-мизер парту.

Изборский. Пиши что хочешь: и прозой и стихами, а со всем тем комедия прекрасна; она делает честь нашей словесности. Я нахожу даже, что в ней есть места, достойные Мольера.

Граф. Достойные Мольера — ха, ха, ха! Мольера, который восхищает и французов!

Изборский. Чему ж ты смеешься?

Граф. Я? так — ничему. Достойные Мольера! Это бесценно!

Изборский. Что же кажется тебе тут странным?

Граф. Ничего, совершенно ничего. Достойные Мольера! Это забавно, очень забавно!

Изборский. Можно ли не восхищаться сценой между Пронским и графиней Лелевой?
[13]

Граф. Это правда, слушая ее, я зевал от восхищения.

Княгиня. Еще! Нет, граф, мне жаль уж бедного сочинителя! Зевать от восхищения —

можно ли быть таким насмешником. Надобно сказать правду, попадись только вам на язычок...

Граф. Вы шутите, княгиня, — будто я так зол! Поверьте, что я...

Графиня (*играя*). Бет, сударь, бет, — прошу записать.

Граф. Что я гораздо милостивее многих говорю об этой пьесе — послушали бы вы моих знакомых.

Изборский. Я не понимаю, отчего вздумалось тебе и твоим приятелям укладывать нас спать, когда вся публика отдает должную справедливость этой пьесе.

Граф. Послушай, возьмем в посредники г-на Эрастова; он сочинитель, следовательно, лучше может доказать, что вчерашняя комедия никуда не годится.

Эрастов. Извините, граф, я не совсем буду согласен с вами. Вы судите слишком строго. В ней проскакивали кой-где места довольно сносные, стихи вообще нельзя назвать совершенно дурными.

Граф. О, не говорите мне ничего о стихах. Сколько ни старался я заметить, но по сих

пор не знаю, чем она писана: стихами или прозой.

Изборский. Тем лучше — следственно, стихи так плавно и легко написаны, что трудность размера и ударений в них совсем неприметны.

Граф. Фи, mon cher! как тебе не стыдно! Какие это стихи, если их можно читать так же легко, как прозу?[14] Надобно, чтоб в стихах была всегда какая-то величественная шероховатость, которая придает им вид важный, а особливо в мрачных описаниях. Вот, например, один из моих знакомых читал недавно при дамах свое сочинение: лишь только он начал, то у всех, кто мог его понимать, волосы стали дыбом; в половине чтения сделалось многим дурно, а под конец одна дама упала в обморок и лежит теперь при смерти в горячке. Вот истинно пиитические стихи.

Княгиня. Ну пусть бы обморок, а то горячка! Нет, граф, эти стихи уж слишком хороши.

Изборский. Я до сих пор думал, что ясность есть первое достоинство стихов.

Граф. Ясность! ясность! Вот на чем помещались все эти господа; да знаете ли, что ска-

зал один знаменитый писатель: автор не тем велик, что изъясняет, но тем, что должно в нем отгадывать.

Изборский. Поэтому в «Тилемахиде» каждый стих[15] заключает в себе нечто великое?

Княгиня. Я вижу, что вы хотите замять разговор о комедии, но это вам не удастся. Г-н Эрастов, начали что-то говорить о ее недостатках.

Эрастов. Я бы никогда не кончил, сударыня, и для того замечу только главнейшие: во-первых, вся комедия имеет вид сатиры...

Изборский. Вы позабыли, сударь, Аристотель говорил, что сатира сделалась тогда поучительнее[16] когда ее стали представлять на театре в виде комедии.

Граф. Аристотель говорит! Прекрасное доказательство! Аристотель мог быть учителем своих римлян, но мы...

Изборский. Он был грек.

Граф. Грек или римлянин для меня все равно — я знаю только, что все римские и греческие мудрецы не уверят меня, что вчерашняя пьеса может назваться хорошою.

Княгиня. Bravo, граф, не уступайте. Неуже-

ли в самом деле, не спросясь у г-на Аристотеля, нельзя бранить никакой комедии?

Графиня. Об чем ты думаешь, Сонюшка, — засдаешься в другой раз сряду.

Софья. Я слушала, как граф говорил об Аристотеле.

Князь. О, сударыня! мой племянник великий человек для этого, он знает по пальцам всю древнюю историю.

Княгиня. Это, думаю, кузина успела уж и заметить. Ну, г-н Эрастов, добивайте поскорей несчастную комедию.

Эрастов. Я нахожу, что вообще все разговоры между кокеткой и графом Ольгиным ни на что не похожи. Так ли должно молодому воспитанному человеку обходиться с благородною женщиною? Чем начинается их разговор при первом свидании? Он говорит ей вещи[17], которые едва ли можно позволить себе с простою горничною девушкою; одним словом, характер кокетки совсем не выдержан, и дерзкий тон графа так унижает ее в глазах зрителей, что она становится для них совсем не интересною.

Граф. Bravo, г-н Эрастов, прекрасно, нельзя

лучше. Ну что же ты ничего не отвечаешь?

Изборский. Это не трудно сделать; я нахожу...

Граф. Отвечай же, отвечай!

Изборский. Мне кажется...

Граф. Говори, говори, посмотрим, что ты скажешь?

Изборский. Мне кажется, что граф Ольгин поступает естественно. Не забудьте, что автор хотел в нем представить самого дерзкого, избалованного женщинами модника; он знает Лелеву, знает, что она должна была поневоле уехать из Петербурга, следовательно, не считает себя принужденным наблюдать с ней ту вежливость, которую мы обязаны женщинам, заслуживающим уважение общества; он думает даже сим способом открыть глаза своему двоюродному брату. И где же была бы мораль пьесы, если б автор в сей унижительной для графини сцене не хотел показать, каким неприятностям подвергается всякая женщина, пренебрегая суждения света, как излишнее кокетство дает мужчинам право быть дерзкими и терять к ним всякое уважение.

Княгиня. Ай, ай, граф! наши дела идут ху-

до.

Граф. Пустые доказательства, mon cher! Набор громких слов, и больше ничего.

Княгиня (Эрастову). Скорей секурс⁽⁴⁾, а не то мы пропали.

Эрастов. Вы скажете также, что характер кокетки не унижен, когда она дает рандеву тому же самому вертопраху, который за несколько минут до того наговорил ей столько дерзостей.

Изборский. Это-то самое и заставляет ее назначить свидание; она надеется завести его самого, вскружить ему голову, заставить быть скромным и не только не мешать ее планам, но даже помогать ей. Если б он не испугал ее с самого начала своим насмешливым тоном, то она не имела бы никакой причины назначать ему свидания, тем более что всякая нескромность со стороны ветреника превратила бы в ничто все ее намерение.

Княгиня. Мне кажется, граф, что Изборский лучше сделает, если замолчит.

Граф. О, гораздо лучше! По чести, мне жаль тебя, mon cher, ты всех заставишь смеяться над собою. Защищать такую комедию!

Эрастов. Г-н Изборский защищался довольно хорошо, но посмотрим, чем оправдывает он личности, которыми наполнена пьеса.

Изборский. Личности! вот всегдашний и самый несправедливый упрек, который делают комическим авторам. Комедия должна быть зеркалом, в котором каждый может видеть свое изображение, но не должен узнавать себя. Автор, сочиняя комедию, осмеивает пороки, и как не удивительно, что, давая своим персонажам характеры, сообразные с планом пьесы и нравами его современников, может самым невинным образом сделать себе кучу неприятелей.

Эрастов. В этом я согласен; но баллады, про которые он так часто говорит...[18]

Граф. Да, да, баллады! Я было и позабыл об этом. Ну, г-н защитник, что скажешь ты теперь? Разве это не личности?

Изборский. Где ж тут личность? Разве баллада лицо? Автору «Липецких вод» не нравится сей род сочинений — это нимало не удивительно. Одни красоты поэзии могли до сих пор извинить в нем странный выбор предметов, и если сей род найдет подражателей, ко-

торые, не имея превосходных дарований своего образца, начнут также писать об одних мертвецах и привидениях, то признайтесь сами, что тогда словесность наша немного выиграет.

Граф. Ты мастер делать фразы; но это не поможет тебе нимало. Все мои знакомые одного со мною мнения; комедию засыпают эпиграммами. Апропо!⁽⁵⁾ мне сегодня еще про одну сказывали[19]: постойте, я вспомню. Ничего не может быть прекраснее — совершенно французский оборот[20]. В первом стихе есть что-то о природе, а во втором о сухих водах.

Княгиня. О сухих водах! Это в самом деле прекрасно! Жаль только, что я не понимаю.

Граф. Это аллюзия насчет названия пьесы. Сухие воды! Чувствуете ли, княгиня, как это остро! Какая едкая двусмысленность. Сухие воды! как зло! По чести, и этих двух словах гораздо более ума, чем во всей этой жалкой комедии.

Княгиня. Я согласна с вами: эти сухие воды удивительно замысловаты. Признайтесь, граф, вы первые подали мысль написать эту

эпиграмму.

Граф. О нет, сударыня.

Княгиня. Вы скромничаете.

Граф. Уверяю вас.

Княгиня. В этой эпиграмме виден ваш ум, ваша острота.

Граф. Вы очень милостивы, но клянусь, что тут я совсем не виноват пред бедным сочинителем.

Княгиня. Ну, Изборский, попробуйте теперь защищать еще вашу комедию. Видите ли, что достается автору. Князь говорил еще про какую-то сатиру в прозе — смотрите, чтоб и вас туда не поместили.

Изборский. Это меня совсем не пугает. Знаете ли что, княгиня! я им прочту прекрасную басню: «Слон и Моська», одного знаменитого нашего писателя.

Граф. Нашего писателя... Прочти, прочти.

Изборский.

По улицам Слона водили,
Как видно напоказ:
Известно, что Слоны в диковинку
у нас;
Так за Слоном толпы зевак ходи-

ли.

Отколе ни возьмись, навстречу
Моська им.

Увидевши Слона, ну на него ме-
таться,

И лаять, и визжать, и рваться;
Ну, так и лезет в драку с ним.

«Соседка, перестань срамиться, —
Ей Шавка говорит, — тебе ль с
Слоном возиться?»

Смотри, уж ты хрипишь, а он себе
идет вперед

И лаю твоего совсем не Примеча-
ет». —

«Эх! эх! — ей Моська отвечает. —

Вот то-то мне и силы придает,

Что я совсем без драки

Могу попасть в большие забияки.

Пускай же говорят собаки:

„Ай Моська! знать, она сильна,

Что лает на Слона!“»

Княгиня. Вы этим не удивите: они найдут
тотчас свое оправдание в конце басни.

Граф. Вся эта басня украдена из Лафонтена
[21] точно так же, как и комедия из Мольера.

Изборский. Вы правы, граф, оба наши ав-
тора стараются украсть талант французских

писателей.

Графиня (*бросая карты*). Что это! Семерка сам-друг и две маленькие, а мизер выигран, на что это похоже! Не стыдно ли вам, князь! дожили вы до седых волос, а не умеете путем разыграть открытого мизера.

Князь. До седых волос! Сударыня! будьте поразборчивее в ваших выражениях.

Графиня. Да, сударь, да! Когда человек дожил до семидесяти лет...

Князь. Вы скажете, пожалуй, что я был совершенным человеком, когда вы выходили замуж.

Графиня. Какая дерзость! Куда как хорошо делают, что дурачат в комедиях столетних волокит, которые накануне своей смерти думают еще любезничать и казаться молодыми.

Князь (*вскакивая со стула*). Накануне смерти! Да, сударыня, поступают очень умно, выводя на сцену старых барынь, которые всех думают учить, а не знают сами общежития.

Графиня (*вскакивая*). Князь!

Князь. Графиня!

Графиня. Если б я более уважала словами вашими...

Князь. Если б я менее почитал пол ваш...

Софья (*графу*). Помирите их!

Граф (*тихо графине*). Как вам не стыдно на него сердиться, графиня! Разве вы не видите, что он из ума выжил и хочет вопреки целому свету казаться молодым.

Графиня. Это правда.

Граф (*тихо князю*). Не смешно ли, что вы не хотите ей уступить — разве не примечаете, что это одна только привычка со всеми браниться.

Князь. Я то же думаю.

Граф. Неужели такая безделица может вас поссорить?

Графиня. Нет, я уж не сержусь; однако ж выиграть такой мизер, и на последнюю игру!

Князь. Я постараюсь, графиня, играть вперед осторожнее.

Княгиня. Время прекрасное! Как вы думаете, тетушка, не походить ли нам до обеда по саду?

Графиня. И в самом деле, а то уж мы очень засиделись. Пойдемте, князь, видите, я уж не сердита, прошу, однако ж, вперед не делать таких ошибок.

Князь. Будьте спокойны, графиня, я не дам выиграть ни одного мизера. *(Подает ей руку.)*

Княгиня *(подавая руку графу).* Граф! вы не откажетесь быть моим кавалером, Изборский, дайте руку кузине. *(Эрастову.)* Подождите меня здесь.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Эрастов *(один, садится на стул и вынимает книжки).* Не надобно терять свободного времени. Я теперь один, начнем план нашей комедии. Комедии! Гм! если б мне удалось разбрызгать моей пьесой эти несносные «Липецкие воды»! Почему ж и не так! Правда, в них много ума, очень много, так — что же? Тем лучше! Умные дети не долго живут. Начнем.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Эрастов и Даша.

Даша *(не видя Эрастова).* Здесь никого нет, видно, бостон уж кончился. Мне показалось издали, что барышня прогуливается с Изборским. Уж нейдет ли на лад наше дело, как бы

я была рада! Барышня была бы счастлива, а сиятельный ветреник прогулял бы прекрасную невесту и, что еще досаднее, богатое приданое. Как бы девушка ни была прекрасна, сколько б ни имела достоинств, да если только нет к ним прилагательного, то того и гляди, что красавица вечно просидит в девках!

Эрастов (*продолжая писать*). Прекрасно, прекрасно! нельзя лучше!

Даша. Ах! вы здесь, г-н Эрастов! как вы меня испугали.

Эрастов. Мысль нова! оригинальна! оборот совершенно необыкновенный. Посмотрим, г-н русский Мольер, посмотрим, на чьей стороне будет публика.

Даша. Что вы тут делаете, сударь? Вы забили в такой уголок, что вас совсем и не видно.

Эрастов. А, это ты, Дашенька! не мешай мне, я пишу комедию.

Даша. А будет ли в ней какая-нибудь служанка?

Эрастов. Непременно!

Даша. Ах, сударь, что вы это делаете? да знаете ли, что ничего нет труднее, как напи-

сать роль для служанки.

Эрастов. Почему ты это думаешь, миленькая?

Даша. А разве вы не слышали, как рассказывала княгиня, что говорили про служанку вчерашней комедии: одни кричат, что она чересчур умна, другие уверяют, что она слишком глупа, третьи, что некстати мешается в разговоры, — и если вы всем захотите угождать, то придется вашей служанке не говорить ни слова.

Эрастов. О! я уверен, что моя горничная всем понравится. Я выведу, Дашенька, тебя в моей комедии.

Даша. Меня! как это весело! и я также буду в комедии! Ну, сударь, вам помешают, я вижу, сюда идут княгиня и граф.

Эрастов. Ах, Дашенька, пожалуйста, уйди! Они, верно, будут говорить между собою; если ты помешаешь, то я пропущу, может быть, лучшую сцену для моей комедии.

Даша. И в самом деле. Смотрите же, спрячьтесь подальше, чтоб вас не увидели.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Эрастов (*один*). О! это будет несравненная сцена! Один станет клясться, другая не верить — оба будут друг друга обманывать.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Граф, княгиня и Эрастов (скрытый).

Граф. Итак, княгиня, вы решились никогда мне не верить?

Княгиня. Перестаньте, граф! Неужели вы думаете, что я так же легковерна, так же неопытна, как Софья. О, я знаю вас, господа мужчины! Любовь, постоянство, верность всегда на языке у вас, а в сердце — никогда.

Граф. Вы шутите, княгиня! Вам ли жаловаться на непостоянство мужчин! С вашей красотой, с вашей любезностью можно ли встречать изменников. Оставьте этот упрек для обыкновенных женщин; но вы — вы, которая, соединя в себе все прелести пола вашего...

Княгиня. Не хочу иметь прочих женщин легковерность: не то ли думали вы сказать мне?.. Послушайте, граф, первейшее доказа-

тельство любви есть откровенность — будьте со мною чистосердечны.

Граф. Сударыня! читайте в моем сердце.

Княгиня. Признайтесь откровенно, которую уже женщину уверяете вы в вашей вечной, постоянной любви?

Эрастов. Придется попросить грифельной доски.

Граф. Клянусь, с тех пор, как я стал жить в свете...

Княгиня. Нет, со вчерашнего дня.

Эрастов. Прекрасно! Ай да княгиня! *(Пишет.)*

Граф. Вы смеетесь надо мною, сударыня!

Княгиня. Нимало. Я нахожу мой вопрос очень натуральным. Вы хотите жениться на кузине — следовательно, говорите ей то же, что и мне. Я слышала несколько раз сама, что вы, позабывшись, чуть-чуть не открывались в любви моей тетушке; одним словом, мне кажется, нужно только быть женщиной, чтоб иметь право на сердце и постоянную, бесконечную любовь вашу.

Граф. Как, сударыня! вы даете такую цену этим пустым, ничтожным вежливостям. Я по-

лагал, княгиня, что вы лучше умеете отличать истинную любовь от обыкновенных комплиментов. Пускай старые вдовушки, которые рады ко всему прицепиться, находят в них более, чем одну условную вежливость; но вам ошибаться таким непростительным образом! О! этого, княгиня, не смел бы даже я и подумать.

Княгиня. Но, сударь, я была уже свободна, когда вы узнали Софью, а со всем тем вы женитесь на ней.

Граф. Я поздно уже узнал вас, княгиня. Скачала молодость Софьи, ее излишняя доброта, которая казалась мне милою стыдливостью, невинностью, свойственною ее летам, пленили меня; я стал искать в ней и имел несчастье ей понравиться. Теперь, когда первый восторг мой прошел, я вижу все различие между вами и Софьей; но согласитесь, княгиня, это было бы слишком уже жестоко, слишком ужасно — завести невинную, неопытную девушку и после ее оставить.

Княгиня. Итак, вы женитесь на ней из одного сожаления?

Эрастов. Пятьдесят тысяч доходу хоть кого

разжалобят.

Граф. Почти! ах, княгиня! для чего понравился я Софье, для чего вместо любви не получила она ко мне отвращения, как бы я был счастлив!

Княгиня. Ваша откровенность заставляет и меня быть доверчивее. Признаюсь, я была бы очень довольна, если бы вы не понравились моей кухне.

Граф. Что вы говорите, княгиня! какое благополучие! могу ли верить?..

Княгиня. Да, граф! притворство мне несвойственно, и хотя бы мне не должно было... Но повторяю еще, что почла бы благополучной ту минуту, в которую Софья отказалась бы от руки вашей. Граф! я знаю вам истинную цену, она не создана для вас.

Граф (*в сторону*). Прекрасно! она меня обожает, любит!

Эрастов. Пускай попробует другой обманывать, говоря правду.

Граф. Княгиня! как изъяснить вам мою благодарность; вы любите меня!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, графиня, князь, Изборский и Софья.

Граф (не примечая других, продолжает говорить, целуя руку). Какое благополучие может сравниться с моим. О, повторите еще раз!..

Графиня. Что это значит! прекрасный жених! сватается за мою Сонюшку, а между тем... А тебе, сударыня, не стыдно!..

Эрастов. Браво! вот и развязка!

Графиня (князю). Ну, сударь, каков ваш племянник!

Князь. Я, право, не понимаю, сударыня...

Графиня. Чего тут понимать, батюшка! Разве вы не слышали, что он говорил, разве не видали, с каким жаром целовал ее руку!

Граф. Выслушайте меня, сударыня...

Графиня. Не хотите ли вы и меня уверить...

Граф. Одно слово, графиня, и я оправдан. Я просил княгиню вступить за меня, уговорить вас не откладывая более мою свадьбу, и в ту самую минуту, как вы взошли, я благодарил ее и просил еще раз повторить обещание быть моей покровительницей.

Графиня. Как! неужели я ошиблась. Вы в самом деле говорили об этом?

Княгиня. Да, тетушка, мы говорили о кухне.

Эрастов. Вывернулся, как вывернулся! Придется еще один акт прибавить.

Князь. Видите ли, графиня, наружность всегда обманчива. Все любовные романы наполнены подобными случаями: например, в «Маркизе Глаголе»[22]...

Граф. И, дядюшка! оставьте ваших маркизов, попросите лучше графиню и прелестную ее племянницу довершить мое благополучие.

Графиня. Хорошо, хорошо! Оставьте же нас теперь одних с князем, нам надобно будет с ним кой о чем поговорить.

Княгиня (*тихо Софье*). Жаль, милая, что ты не слыхала, об чем мы говорили с графом. Я перескажу тебе об этом после.

Князь. Однако же, племянник, это нехорошо оставаться наедине с княгиней, злые люди могут бог знает что выдумать.

Граф. Вы правы, дядюшка, вот если б вы были на моем месте, то злые люди не могли бы тогда верно ничего подумать дурного.

Княгиня подает руку графу.

Графиня. Что это, матушка! Можно хоть раз пустить графа погулять со своей невестой.

Княгиня. И, тетушка! им будет для этого довольно еще времени. *(Скоро уходит с графом, Софья с Изборским за ними.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Графиня, князь и Эрастов (скрывшись, пишет все время).

Князь. Какой дерзкий насмешник!

Графиня. Какая бесстыдная кокетка!

Князь. Ну точь-в-точь как этот вертопрах в «Липецких водах».

Графиня. Две капли воды, как эта ветреница во вчерашней комедии.

Князь. Поделом смеются над этими повесами.

Графиня. Не мешает, чтоб почаще сочиняли комедии на этих бесстыдных.

Князь. Слышали ли, сударыня, как племянник изволил подшутить надо мною?

Графиня. Видели ли, какие чудеса изволит строить моя племянница? Понимаю все твои

затеи, сударыня. Знаете ли, князь, я готова удариться об заклад, что она хочет отбить у Сонюшки графа.

Князь. Вы шутите, сударыня.

Графиня. Нет, я ее уж знаю. Разве вы не заметили, что она почти насильно заставила графа идти с собою, но все эти хитрости ей не удадутся. Князь, я намерена нынче же сделать сговор.

Князь. Очень хорошо, сударыня.

Графиня. Пойдемте в мою горницу, здесь становится холодно, там мы обо всем переговорим хорошенько.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Эрастов (*один, выходит на середину сцены, держа в руках записную книжку*). План для первых двух актов готов; кажется, они будут довольно интересны. Теперь надобно приняться за третий. О, третий акт меня удивительно мучит. Уж мне этот граф! Надобно было вывернуться. Комедия была бы кончена, а теперь придумывай опять новую развязку, прибавляй целое действие. Ну, так и быть.

Пойду в какую-нибудь густую аллею, буду бродить взад и вперед, надумаю, начну писать, окончу, отдам свою пьесу на театр — и прощай «Липецкие воды», только об них и говорили. *(Уходит.)*

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Комната княгини Зарецкой
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Княгиня, Софья и Даша.

Софья. Ах, княгиня! я до сих пор не могу поверить...

Княгиня. Что граф Фольгин не шутя открывался мне в любви? Это еще ничего, но вот что забавно: он думает что вскружил мне голову.

Софья. Не удивительно, если вы захотите его уверить в этом.

Княгиня. И не думала. Я говорила только, что очень была бы рада, если б ты не вышла за него замуж.

Даша. И его сиятельство расчел тотчас, что вы желаете это для того только, чтоб он на вас женился. Надобно сказать правду, у этих господ совсем нет самолюбия.

Княгиня. Мне кажется, милая, когда мы ходили по саду, ты совсем не скучала со своим кавалером.

Софья. Я должна сказать правду: Избор-

ский никогда еще не бывал так любезен.

Княгиня. Это оттого, что прежде ты всегда с предубеждением об нем судила.

Даша. Воля ваша, сударыня, а я не взяла бы за одного Изборского целую сотню таких графов, как ваш жених. Послушали бы вы, как он изволил нынче поутру об вас поговаривать: «Она добра, добра, как ягненок, о, она будет предоброю женою» — да каким же едким голосом, вот так бы с досады ему в глаза и вцепилась.

Софья. Я начинаю сама примечать, что выбор тетушки не может составить мое благополучие, но что присоветуете мне делать? Вы знаете, когда графиня на что-нибудь решится...

Княгиня. Об этом не беспокойся, я берусь довести до того графа, что он сам откажется от твоей руки.

Софья (с некоторою досадою). Откажется! не слишком ли много надеетесь вы на себя, княгиня?

Княгиня. Напротив, это так легко, так нетрудно...

Софья (с живостию). Признайтесь, кузина,

что вы бываете иногда очень самолюбивы.

Княгиня. Bravo! ты сердишься, та chere! Но утешься, милая, на это есть причины, которые не должны никак оскорблять твоего самолюбия. Я еще раз повторяю тебе: он не любит и не может любить никого, кроме самого себя.

Софья. Вы не так поняли меня. Я никак не могу поверить, чтоб граф был способен к такой низости.

Княгиня. Должна будешь поверить, когда узнаешь его покорооче. Я намерена, однако ж, сделать с тобою небольшой уговор. Если граф от тебя откажется...

Софья. То я должна выдти за Изборского, — не правда ли?

Княгиня. Точно!

Софья. Я теперь согласна с вами: он гораздо любезнее графа, и я не могу вспомнить без стыда прежнее свое предубеждение.

Княгиня. Дашенька обещалась мне помогать. Я думаю, ты твердо знаешь свою роль?

Даша. Будьте покойны, сударыня, могу ли забыть ее, когда дело идет о том, чтоб одурачить какого-нибудь модника. Ах, сударыня,

если б вы знали, как я их всех ненавижу. Ну, право, я не знаю, как есть еще такие жалкие женщины, которые могут любить этих выпускных кукол.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Эрастов.

Эрастов. Я вас искал везде, княгиня! Я пропал без вашей помощи. План моей комедии не подвигается ни крошечки вперед. Я сколько ни мучился, не мог никак придумать, с чего начать этот несносный третий акт.

Княгиня. Начните его тем, что молодая неопытная девушка, которая была прежде ослеплена наружным блеском мнимых достоинств нашего ветреника, узнает свое заблуждение. Между тем он продолжает обманывать ее тетку, и... Но чего же лучше? Графиня и граф идут сюда! Мы уйдем, а вы сядьте в этом углу за столиком. Я уверена, что они продиктуют вам целую сцену. Пойдем, милая, я расскажу тебе, каким образом намерена провести нашего жениха.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Эрастов (за столом), графиня и граф.

Графиня. Где ж Сонюшка? Я думала, что найду ее здесь. Верно, они ушли опять гулять по саду.

Граф. Графиня, позвольте еще раз повторить вам мою просьбу: сделайте меня совершенно благополучным.

Графиня. Так вы очень любите Сонюшку?

Граф. Ах, сударыня! наш язык не имеет выражений, которые смогли бы дать вам хотя некоторое понятие о моих чувствах. Ее прелестный вид, ангельская доброта, пленительная невинность обворожают меня, и, простите моей смелости, графиня, то чудесное сходство, которое нахожу я между вами...

Графиня. В самом деле вы находите, что племянница походит на меня?

Граф. Невероятным образом! Естественно, некоторое различие в годах уменьшает это сходство, — она еще так молода, черты лица ее не имеют еще той полноты, того совершенства, тех форм, которые дают им лета, одним

словом, она обещает еще только быть тем, что вы есть теперь, сударыня.

Графиня. Льстец! правда, смолоду я была не дурнее ее, но теперь...

Граф. Перестаньте, графиня, вы заставляете меня краснеть. Позвольте вам напомнить: излишняя скромность становится пороком. Итак, сударыня, вы намерены сделать мою свадьбу.

Графиня. Очень скоро! Вы можете еще подождать — несколько дней не составят большой разницы.

Граф. Но для чего откладывать мое благополучие, когда несколькими днями прежде могу получить лестное право называть вас моею тетюшкой. Вы знаете, как зол свет, сударыня; мое уважение, душевная к вам привязанность, частые посещения — все заставляет злых людей делать свои заключения. Назовите меня скорей племянником, и все эти клеветники должны будут замолчать.

Графиня *(в сторону)*. Он так убедительно просит! *(Ему.)* Подождите здесь, любезный граф, я подумаю и, может быть... Но я не говорю теперь ничего. *(Уходя, в сторону.)* Пойду,

сыщу Сонюшку, приведу сюда и тут же сделаю стовор! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Граф и Эрастов.

Граф (*не замечая Эрастова*). Ха, ха, ха! Что может быть легче, как вскружить голову старухе, которая воображает, что еще молода! Бедняжки! им даже и то приятно, когда услышат, что можно еще сомневаться в их добродетели. Итак, я женюсь на Софье! женюсь! Как трудно выговорить это слово! Софья так проста, так скучна!.. Но что нужды до этого? Я буду каждый день ездить с утра до вечера по моим знакомым, она станет сидеть дома, и мы только изредка будем видеться между собою. Княгиня сказала мне, что придет сюда о чем-то говорить со мной. Как она мила! Как любезна! И если мне надобно непременно уже жениться, то для чего б не на ней? Нет, княгиня мила очень мила! Но две тысячи душ...

Эрастов. Еще милей.

Граф. Ба! Г-н Эрастов, что вы тут делаете?

Эрастов. Пишу комедию.

Граф. Только!.. *(В сторону.)* Княгиня сюда будет, как бы его отправить. *(Ему.)* Знаете ли, г-н Эрастов, что древние всегда сочиняли на чистом воздухе.

Эрастов. Когда они списывали с природы. Живописцу не должно терять из виду своих оригиналов.

Граф. Так подите ж скорее в сад, дядюшка с графиней там гуляют.

Эрастов. Они хороши только для второклассных персонажей, а меня теперь занимает главное лицо и проклятая развязка, никто лучше вас мне не поможет ее сделать.

Граф. Я бы сам желал, чтоб вы меня развязали с вашей комедией, которой ни плана, ни завязки я не знаю.

Эрастов. Я вам все расскажу. Извольте видеть...

Граф. Я, сударь, ничего не вижу. *(В сторону.)* Он так же несносен, как автор вчерашней пьесы.

Эрастов. Послушайте! сюжет довольно забавен.

Граф. Верю, сударь, верю.

Эрастов. Не правда ли, что промотавшийся ветреник, который хочет жениться на приданом и попадетя в дураки, будет очень смешон. Ха, ха, ха!

Граф. Смешон... Может быть.

Эрастов. Однако ж вы не смеетесь.

Граф. Вам угодно, чтобы я хохотал, извольте, сударь: ха, ха, ха!.. Довольны ли вы теперь?

Эрастов. Изрядно, а еще больше меня одолжите, ежели скажите, что мне в конце пьесы сделать с моим ветреником?

Граф. Ох, сударь, пошлите его к черту!

Эрастов. К черту? браво, брависсимо! Прекрасная мысль: их будет пара, я вам очень благодарен. Побегу к Изборскому, он человек умный и поможет мне придумать, как бы поскорей его туда отправить.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Граф, потом Даша.

Граф. Что врал мне этот несносный поэт о ветренике, о приданом... Мне кажется, он ска-

зал, что хотят его дурачить... Неужели он осмелился на мой счет... Меня дурачить... Ха, ха, ха! Какая плоская мысль; чем, смею спросить; разве Софья не без памяти в меня влюблена; разве тетка не отдает ей всего имения... А, Дашенька!

Даша. Княгиня прислала меня сказать вам, что она сейчас сюда будет.

Граф. Но не так еще скоро, чтоб я не успел между тем поцеловать тебя.

Даша. Перестаньте, сударь.

Граф. Как я рад, что у будущей моей жены будет такая миленькая служаночка.

Даша. А разве вы слышали, сударь, что графиня отдает меня за ней в приданое?

Граф. Да как же! Ведь Софья наследница всего имения.

Даша. Как сударь! Всего имения?

Граф. Да как же, миленькая?

Даша. Право! поэтому графиня передумала.

Граф. Что такое?

Даша. Так, ничего — я слышала...

Граф. Что ж ты слышала, душенька?

Даша. Я, сударь... я не знаю, как вам ска-

зять...

Граф. Ну, да говори же, чего ты боишься?

Даша. Я, сударь, боюсь, если вы на меня после скажете. Может быть, графиня имеет причину таить это.

Граф *(в сторону)*. Что это значит? *(Вслух.)* Говори смело, Дашенька! Уверяю тебя, что об этом никто не узнает.

Даша. Ведь наследница всего графинина имени княгиня.

Граф. Ты шутишь, Дашенька!

Даша. Точно, сударь; барышня воспитывалась у графини, вот почему все и думают, что она ее наследница; а, напротив, графиня хочет непременно, чтоб все имение осталось в ее роде, и для того укрепила его княгине, дочери родного ее брата, а не вашей невесте, которая ей племянница по покойнице ее сестрице.

Граф *(в сторону)*. Что я слышу! Так поэт и прав, чуть-чуть не попался я в дураки.

Даша *(в сторону)*. Задумался. *(Вслух.)* Я уверена, что это вас нимало не огорчает, граф,— вы женитесь на моей барышне не для имения.

Граф. Конечно, миленькая! *(В сторону.)*
Как-то будет мне теперь выпутываться.

Даша. Вот и княгиня!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и княгиня.

Граф. С каким нетерпением я дожидался вас, сударыня.

Княгиня. Меня задержала графиня, она ищет по всему саду князя и Софью. Мне кажется, граф, что тетушка намерена сделать нынче ваш стовор.

Граф. Право!

Княгиня. Я думаю, это должно быть для вас очень приятно.

Граф. Конечно! Но позвольте вам сказать откровенно, княгиня, я не хотел бы слишком спешить своею свадьбою.

Княгиня. Как, сударь! Давно ли вы показывали такое нетерпение?

Граф. Это правда, сударыня. Мне так уже наскучило быть женихом, что хотел все кончить, но теперь, обдумавши хорошенько, вижу, что эта поспешность совершенно не у ме-

ста.

Княгиня. Давно ли стали вы обдумывать то, что делаете?

Граф. Мне надобно прежде аранжировать ⁽⁶⁾ свои дела, привести в порядок мое имение. Послушайте, княгиня, неужели вы думаете, что я женюсь на Софье, не зная, что она не богата; я знаю, точно знаю, что она будет иметь одно только весьма умеренное приданое.

Княгиня. Как, граф! С чего вы взяли это? Я уверена, что тетушка отдает ей все свое имение. Вы ошибаетесь.

Граф. Ожидал ли я, сударыня, что Дашенька будет со мною откровеннее, чем вы.

Княгиня. Что это значит? *(С сердитым видом.)* Дашенька?

Даша. Я, сударыня... я... Граф, не стыдно ли вам? Я, право... только говорила... только сказала...

Княгиня. Кончишь ли ты...

Даша. Виновата, сударыня!.. Я не думала... чтоб мужчины были так же болтливы, как...

Княгиня. Женщины; благодарствуй.

Граф. Божусь, княгиня, она только подтвердила мне то, что я уже давно знал.

Даша. Извольте слышать, сударыня, граф сам давно уж знал.

Княгиня. Но ты как смела!

Даша. Проклятый язык!.. Ах! я проболталась, ради бога, не говорите ничего графине... Да попросите, сударь, за меня...

Граф (*в сторону*). Теперь нет сомнения! (*Громко.*) Я вас прошу, не погубите эту малютку.

Княгиня. А я вас прошу верить не ей, а мне...

Граф. О! я готов верить всему, что вы прикажете.

Княгиня. Нет! нет! я вижу по вашей хитрой улыбке, что вы сомневаетесь.

Граф. Но чем могу я доказать вам...

Даша. Чем-нибудь, сударь, да только поскорее; у меня так сердце и бьется,— чтоб не пришла графиня.

Граф (*в сторону*). Прекрасная мысль, одним камнем два удара! (*Громко.*) Извольте, княгиня, я вам это докажу: вы знаете мои правила...

Княгиня. Знаю, сударь.

Граф. Итак, как благородный человек, я не

мог бы отказаться от Софьи, когда б она была точно бедна, не правда ли?

Княгиня. Правда.

Граф. А я, княгиня, если это вам угодно, от нее отказываюсь. Вы видите теперь, кому я верю.

Княгиня. Вижу!

Даша (*в сторону*). И я также!

Граф. Но будет ли это вам приятно, княгиня?

Княгиня. Мы, кажется, давеча об этом уже говорили.

Граф. Однако ж мне все-таки совестно, эта бедняжка в меня так влюблена...

Даша. Как, сударь?.. Проклятый язык! опять было проговорилась.

Граф. Что такое?

Даша (*глядя на княгиню*). Ничего, сударь!..

Граф. Прошу вас, княгиня! скажите! скажите!

Княгиня. Самая удивительная странность, я не могу без смеха вздумать — моя кухня влюблена в Изборского!

Граф. В Изборского! вы шутите! в Изборского! Прекрасный вкус!

Княгиня. И он почти два года украдкой по ней вздыхает, не забавно ли это?

Граф. Ха, ха, ха!

Княгиня. Предпочитать вам Изборского...

Граф. Ха, ха, ха! таить два года!

Княгиня. И не говорить ни слова!

Граф. Уморительно, ха, ха, ха! Послушайте, княгиня, кончимте этот жалкий роман, — женимте их!

Княгиня. Женимте!

Даша. Жените!

Граф. Как это будет забавно, ха, ха, ха!

Княгиня. Забавно! ха, ха, ха!

Даша. Очень забавно! ха, ха, ха!

Княгиня. Даша, позови Изборского.

Даша (*в сторону*). Попался голубчик. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же, кроме Даши.

Граф. Вы спешите воскресить нового Вертера[23], как вы жалостливы, княгиня.

Княгиня. Не должно терять времени, когда делают доброе дело.

Граф. А когда их можно сделать два вдруг, то надобно еще больше спешить, не правда ли, княгиня?

Княгиня. Конечно!

Граф. Итак, вы согласитесь?..

Княгиня. На что, сударь?

Граф. Сделать счастье человека, который ничем не походит на Изборского.

Княгиня. Да уверены ли вы, что я могу сделать счастье такого человека?

Граф. Вы одни или никто — вы знаете меня, княгиня.

Княгиня. Да вы еще не очень меня знаете.

Граф. Я, сударыня!..

Княгиня. Вы, граф, вы!.. Думаете ли, что женщины всегда бывают теми же в своей семье, какими кажутся в обществах. Ах, сколько есть жен, которые, восхищая целый свет, мучат без милости своих мужей.

Граф. Но вы умны, чувствительны, любезны...

Княгиня. Но я жива, вспыльчива, ветрена и, признаюсь, люблю нравиться.

Граф. Какая восхитительная разнообразность, муж должен будет вас обожать, бого-

творить!..

Княгиня. Я была уж замужем, граф, и боюсь всех бесконечных привязанностей. Ревность!..

Граф. Ревность! за кого вы меня принимаете, княгиня? Разве я кажусь вам каким-нибудь Изборским, который того и гляди, что залюбил и заревнует до смерти свою жену. Нет, я буду уметь почитать вас и себя и не дать себе ридикюль⁽⁷⁾ — быть несносным ревнивцем.

Княгиня. Но можно ли любить и не ревновать? Я, сударь, сама очень ревнива.

Граф. А я, сударыня, найду средство излечить вас от этой болезни: никогда вас не оставлю, буду всегда у ног ваших...

Княгиня. Ах, вы меня пугаете.

Граф. Чем, сударыня?

Княгиня. Всегда у ног моих! это делается для меня так обыкновенным, так однообразным, что наше бесконечное супружество мне наскучит.

Граф. Мы будем тогда видеться реже, княгиня.

Княгиня. Реже, сударь! Вот каковы мужчины! Еще вы не женились, а хотите уже ви-

даться реже!..

Граф. Но, княгиня, я думал...

Княгиня. Вы думали! что, сударь?

Граф. Мне казалось, что вам это угодно... *(В сторону.)* Какая женщина!

Княгиня. Я вижу, граф, что мой нрав, моя искренность вам не нравятся.

Граф. Мне не нравятся, княгиня! Можно ли иметь нрав лучше вашего. Я прошу вас быть только всегда так же искренней.

Княгиня. Поверьте, я никогда не переменюсь, и если муж мне наскучит, то скажу ему дружески: ах, mon cher, ты мне очень надоел! Граф, как вы думаете, что он будет отвечать?

Граф *(в сторону)*. Это уж ни на что не похоже! *(Громко.)* Но, княгини, есть мужья, которым вы, верно, этого не скажите.

Княгиня. Нет, право, скажу!

Граф. В таком случае в ожидании лучшей погоды муж возьмет себе особую половину...

Княгиня. И, живя в одном доме с своей женою, станет с нею переписываться; не правда ли, что это будет прелестно?

Граф. Восхитительно! *(В сторону.)* Она полусумасшедшая, но наследница.

Княгиня (*в сторону*). Его никак не отобьешь от тетушкина имения.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же, Изборский и Даша.

Княгиня. Изборский, подите сюда. Благодарите великодушного приятеля вашего, он уступает вам Софью.

Изборский. Как, сударыня! Что вы говорите? Граф...

Граф. Да, мой друг! княгиня сказала мне, что ты любишь мою невесту и что она также чувствует к тебе склонность...

Изборский. Княгиня! должен ли я этому верить?

Княгиня. Вы услышите это от нее самой.

Изборский. Какое благополучие! Граф! такой благородный, великодушный поступок...

Граф. О, не благодари меня, mon cher, это очень натурально: ты обожаешь Софью, она любит тебя, какой бы благородный человек поступил иначе на моем месте.

Изборский. Но, может быть, графиня не согласится сделать меня благополучным.

Княгиня. Она уважает вас, и если граф отказывается добровольно от руки Софьи, то она, верно, не захочет противиться ее желанию.

Изборский. Но, граф, такое великодушие удивительно.

Граф. Ты обижаешь меня, Изборский. Ты должен был всего ожидать от своего друга, и если б он знал прежде все то, что знает теперь, то никогда не был бы твоим соперником.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же, графиня, князь и Софья.

Графиня. Князь, пожалуйста сюда. *(Берет за руку Софью и подводит к графу.)* Любезный граф, примите, наконец, награду за ваше постоянство.

Софья. Тетушка!

Граф. Графиня! чувства мои все те же, но обстоятельства переменялись. Священный долг дружбы заставляет меня отказаться от руки Софьи.

Графиня. Что это значит?

Князь. Племянник! что ты делаешь?

Граф. Да, дядюшка! я узнал, что Изборский любит Софью, что она также к нему неравнодушна, и для того, как друг его, как благородный человек, отказываюсь от всех прав своих.

Графиня. Отказываетесь! прошу покорно, он отказывается, сам отказывается от моей Сонюшки! И вы, сударь, могли, и вы, сударь, осмелились! Нет, нет, я этому не верю! не могу верить! Такая дерзость, такая наглость нигде не видана.

Князь. Племянник! это в самом деле ни на что не похоже. Такого глупого великодушия не найдешь и в романах.

Изборский. Сударыня! будьте так же великодушны, как граф.

Граф. Поверьте, графиня, что я сам душевно сожалею.

Графиня. Ах, боже мой! он еще жалеет. Да не думаете ли вы, сударь, что мы все умрем с горя оттого, что вам не угодно жениться на моей племяннице; вы сейчас увидите, как много я об этом думаю. Сонюшка! хочешь ли ты выйти за Изборского?

Софья. Я уверена, тетушка, что буду с ним счастливее, чем с графом.

Графиня (*подводя ее к Изборскому*). Изборский, возьмите ее, она ваша.

Изборский (*целуя руку Софьи*). Сударыня! Как я счастлив!

Графиня. Ваша свадьба будет через неделю, а сегодня же укреплю я Софье все свое имение.

Граф. Все имение! княгиня! что это значит?

Княгиня. Ничего.

Эрастов (*вбегая*). Я поспел к развязке!

Граф. Я обманут ужасным образом!

Княгиня. Что нужды, граф, что я не богата. Взаимная любовь наша, сходство характеров — вот одно, что может сделать нас счастливыми.

Граф. Конечно, сударыня, ваш характер, ваша любовь, моя привязанность. (*В сторону.*) Я, право, не знаю, что сказать.

Княгиня. Успокойтесь, граф, я не заставлю вас насильно на мне жениться. Это была только шутка — небольшое испытание.

Графиня. Что это все значит?

Князь. Какое-нибудь новое дурачество моего племянника.

Княгиня. Ничего, тетушка! графу показалось, что вы не отдаете Софье вашего имения, и он из великодушия уступает свою невесту Изборскому.

Графиня. Теперь я не удивляюсь.

Граф. Прекрасно, княгиня, прекрасно! Я теперь вижу, отчего кокетка вчерашней комедии вам не понравилась.

Княгиня. И, граф! если б все женщины употребляли кокетство только для того, чтоб давать уроки подобным вам, то их, верно, не стали бы за это выводить на сцену.

Граф. Это правда, сударыня, вы заставили меня играть довольно забавную роль. *(Графиня.)* Графиня, желая поберечь вашу репутацию, оставляю навсегда дом ваш.

Графиня. Какая наглость! И вы еще можете, сударь...

Граф *(Изборскому)*. Изборский, будь добрым мужем и попроси княгиню, чтоб она усовершенствовала твою супругу. Прощайте, княгиня, я спешу обскакать знакомых и стану всем рассказывать о сегодняшнем приключе-

нии.

Княгиня. Не думаю.

Граф. Слуга покорный! поедемте, дядюшка!

Князь. Я, право, не могу понять...

Граф. Поедемте! Вы поймете это в карете.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Те же, кроме князя и графа.

Княгиня (Эрастову). Ну, сударь, что ваша пьеса?

Эрастов. План уже готов.

Княгиня. А развязка?

Эрастов. Самая натуральная! Осмеянный повеса уходит, степенный молодой человек женится на своей любезной. Зрители, если хотят, аплодируют, и актеры раскланиваются.

КОММЕНТАРИИ

Впервые — СПб., 1816. Печатается по этому изданию.

Впервые поставлена в Петербурге 3 ноября 1815 года (до весны 1816 г., состоялось лишь несколько представлений) и 1 июня 1816 года в Москве. Больше не ставилась. В петербургской постановке в главных ролях выступили:

Графиня — Е. И. Ежова,
Софья — М. С. Воробьева,
Княгиня — М. И. Вальберхова,
Князь — М. В. Величкин,
Граф — И. И. Сосницкий,
Изборский — Я. Г. Брянский,
Эрастов — А. Н. Рамазанов,
Даша — А. Е. Асенкова.

Премьера состоялась в бенефис актера Брянского, в один вечер с очередным представлением комедии А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды», с которой «Комедия против комедии» тесно связана. Поставленная на петербургской сцене 23 сентября 1815 года комедия Шаховского содержала

сатирические выпады против карамзинистов, и в частности против В. А. Жуковского. Вокруг комедии поднялась целая буря: «...партизаны поэта Жуковского негодовали на то, что в лице Фиалкина автор комедии явно желал подсмеяться над его балладами. Посыпались остроты и эпиграммы на Шаховского со всех сторон...» (Арапов П. Н. Летопись русского театра. СПб., 1861, с. 239). Д. В. Дашков печатает в «Сыне отечества» язвительное «Письмо к новейшему Аристофану», пишет едкую кантату «Венчание Шутовского»; Д. Н. Блудов — сатирическое «Видение в какой-то ограде»; в Москве негодование друзей разделяет П. А. Вяземский, который сочиняет «Письмо с Липецких вод» и цикл эпиграмм. Сторонники Карамзина объединились 14 октября 1815 года в пародийно-сатирическое общество «Арзамас», ведя свое литературное летоисчисление «от Липецкого потопа».

Загоскин узнал об эпиграммах и сатирах на Шаховского от своего родственника Ф. Ф. Вигеля, и так как Шаховской первым благословил Загоскина на литературное творчество, похвалив его комедию «Проказник» (см.

с. 6 т. 1 наст. изд.), так как Загоскин вообще весьма почитал Шаховского, и разделял его литературные пристрастия, он выступил в его защиту. Но современники увидели в «Комедии против комедии» в основном личное заискивание молодого драматурга перед всемогущим комедиографом: «Шаховской тогда был властелином русской сцены; Загоскин сейчас понял, что нужно к нему подделаться и прежде всего получить право на его благодарность; вот он и явился к Шаховскому с своим „Уроком волокитам“. Решитель судьбы драматических сочинений принял его с восторгом, смекнув, что „Комедия против комедии“ много прибавит славы его „Уроку кокеткам“; он обласкал Загоскина и сжал его в своих широких объятиях, сказав: „Плеклясно, бесподобно, лучаюсь что произведет эффект вся пьеса“ <Шаховской картавил>. Шаховской занялся усердно ее постановкой, и точно: успех был, но, натурально, случайный.....» (Арапов П. Н. Летопись русского театра, с. 243 — 244). Все это определило и резкое отношение к «Комедии против комедии» в кругу А. С. Грибоедова. Двумя годами позже Грибо-

едов высмеял Загоскина в сатире «Лубочный театр».

В построении «Комедии против комедии» заметна ориентация на одноактные полемические пьесы Мольера, созданные в защиту комедии «Урок женам»: «Критика „Урока женам“» (1663) и «Версальский экспромт» (1663). Обвинения в адрес своей пьесы Мольер снимал в ходе споров, развертывавшихся на сцене, и путем высмеивания своих противников. Название «Комедия против комедии», вероятно, восходит к популярной пьесе-пародии «Комедия комедии» (1629) французского писателя Н. Дюпескье.

Комментарии

ma chere — моя дорогая (фр.).

Все подстрочные примечания, кроме переводов, принадлежат М. Н. Загоскину и специально не оговариваются.

[^^^]

2

ma cousine — кузина (*фр.*).

[^^^]

3

mon cher — мой дорогой (*фр.*).

[^^^]

4

секурс — помощь, подкрепление (от *фр.*
secours)

[^^^]

5

апропо — кстати, между прочим (от *фр.* à propos)

[^^^]

6

аранжировать — привести в порядок (от *фр.*
arranger)

[^^^]

ридикюль — стать посмешищем (от *фр.* *se donner un ridicule*)

[^^^]

Примечания

Предисловие. В «Сыне отечества» (1815, № 46) появилась статья «Мнение постороннего» с резкой критикой комедии Загоскина и предложением, что она написана самим Шаховским с целью смягчить нападки на Жуковского в «Липецких водах» и примириться с карамзинистами: «...кто мог предвидеть, что один автор, изъявивший желание осмеять другого, более известного, вдруг через несколько дней на том же месте, где он советовал ему не мучить стихами живых и мертвых, вздумает сам чрез своего представителя мучить его своими похвалами и уверять его в невинности своих намерений? К какому роду принадлежит сие окончание войны литературной? Трактат ли это или капитуляция? Но что бы ни было, кажется, теперь все должны быть довольны. Правда, говорят, что сие торжественное отречение было сопровождаемо несколькими выстрелами против защитников прежнего неприятеля. Будут ли они чувствительны к этим выстрелам?.. Равнодушие, конечно, не мешает иногда пошутить и по-

смеяться над тем, что достойно осмеяния, но захочет ли кто употребить время и силы, чтобы правильно отражать нападение лилипутов словесности?»

[^^^]

2

...не исключая первого явления во втором действии... — В этой сцене герои комедии спорят по поводу «Урока кокеткам».

[^^^]

...а есть такие догадливые люди, которые уверяют, что не только я, но даже и моя фамилия вымышлена... — Ф. Ф. Бигель вспоминал о комедии Загоскина: «В ней, хотя не совсем остроумно, досталось всем, а более всех мне. Пожалуй, я мог бы не узнавать себя в Фольгине, большом врале, ветреном моднике, каким никогда я не бывал, если бы некоторые из слов и суждений моих не были вложены в уста его. Я знал, чем отомстить человеку, который, по всей справедливости, гордился едва ли не более древностью рода своего, чем новостью своей известности. Я уверил его, что все приятели мои не хотят верить его существованию, фамильное имя его почитают вымышленным, одним словом, видят в нем псевдоним, под которым сам Шаховской написал комедию.»

[^^^]

Столетний волокита и неутомимая бostonистка... — Персонажи «Липецких вод» барон Вольмар и княжна Холмская.

[^^^]

5

...как Малек-Адель любил свою Матильду... — Персонажи романа «Матильда, или Записки, взятые из истории крестовых походов» французской писательницы Коттен (Софи Ристо; 1773 — 1807), изданного в 1805 г.

[^^^]

6

...чтоб не заставить краснеть бедные розы...
— Речь Князя состоит из традиционных штампов сентиментальной литературы.

[^^^]

Гофманские капли — успокоительное средство.

[^^^]

...Овидиева искусства любить... — Публий Овидий Назон (43 до н. э.— 16 н. э.), римский поэт, автор «Метаморфоз», элегий, дидактической поэмы «Наука любви».

[^^^]

...у нас завелись свои Мольеры... — А. А. Шаховского сравнивали с лучшими комедиографами прошлого, называя его «русским Мольером». «Арзамасец» Д. В. Дашков иронично обратился к нему как к «новейшему Аристофану» (Аристофан — родоначальник греческой комедии).

[^^^]

...чтоб большая часть нашей публики имела более вкуса, более истинного понятия о всем изящном... — Мысль о зависимости авторского таланта от вкуса светского общества неоднократно высказывалась карамзинистами. Еще сам Карамзин писал: «Со временем будет, конечно, более хороших авторов в России — тогда как увидим между светскими людьми более ученых или между учеными — более светских людей» (Карамзин Н. М. Избр. соч. в 2-х томах, т. 2. М.— Л., 1964, с. 184; статья «Отчего в России мало авторских талантов», 1802).

[^^^]

...аркадский пастушок, который тает от восхищения... — Имеются в виду традиционные темы и образы пасторальной поэзии тех лет. Аркадия — горная область в Греции, символ мирного сельского счастья.

[^^^]

...в пятом акте от фейерверка... — В 8 явл. 5 действия «Липецких вод» в домашнем театре барона Вольмара устраивает праздник с фейерверком.

[^^^]

...сценою между Пронским и графиней Лелевой? — Сцена из 3 действия комедии Шаховского (явл. 8).

[^^^]

...Какие это стихи, если их можно читать так же легко как прозу? — Здесь отразились споры начала XIX в. о том, должна ли поэзия ориентироваться на простоту разговорного языка или иметь нарочито усложненный, книжный стиль. Для карамзинистов хорошим автором был тот, «кто пишет так, как говорит» (К. Н. Батюшков). Несмотря на свою как бы карамзинистскую ориентацию, граф Фольгин высказывает прямо обратную точку зрения, доводя ее до абсурда.

[^^^]

...в «Тилемахиде» каждый стих... — «Тилемахида» — эпическая поэма В. К. Третьяковского, считавшаяся образцом бессмысленного, громоздкого произведения, написанного труднопонятным языком.

[^^^]

...Аристотель (384—322 до н. э.) — греческий философ, автор трактата по теории поэзии — «Поэтика».

...сатира сделалась тогда поучительнее...
— Имеется в виду суждение Аристотеля в 4-й главе «Поэтики».

[^^^]

Он говорит ей вещи... — В 3 явл. 4 действия
Ольгин, беседуя с вдовой, графиней Лелевой,
колко отзывается об их знакомых и о самой
графине: «Графиня, отчего, скажите мне без
шутки, // Переменились вы: от князя иль от
вод? // Ну, право, черный год // Нашел на ми-
лых вдов...»

[^^^]

...но баллады, про которые он так часто говорит... — Имеется в виду пародийный образ поэта Фиалкина в «Уроке кокеткам».

[^^^]

...комедию засыпают эпиграммами... мне сегодня еще про одну сказывали... — Речь идет об эпиграмме П. А. Вяземского:

*С какою легкостью свободной
Играешь ты в стихах природой и
собой,
Ты в «Шубах» Шутовской холод-
ный,
В «Водах» ты Шутовской сухой.*

В 1817 г. Загоскин снова вернулся к спору о комедии Шаховского: «...если скажешь, что „Липецкие воды“, вопреки всем сатирам и эпиграммам,— лучшая наша комедия, то все записные враги ее сделаются твоими неприятелями... гораздо легче написать несколько дюжин эпиграмм насчет самого автора, чем доказать, почему дурна его комедия» (Северный наблюдатель, 1817, № 1, с. 16—17),

[^^^]

...совершенно французский оборот... — Речь идет о двух последних строках приведенной выше эпиграммы Вяземского. Подобные анти-тезы и поэтические каламбуры восходили к традиции французской легкой поэзии (см.: Виноградов Е. В. Стиль Пушкина. М., 1941, с. 142).

[^^^]

Вся эта басня украдена из Лафонтена... — Одним из творческих принципов баснописцев XVIII — начала XIX в. было заимствование сюжетов у поэтов прошлого. Образцовым автором басен считался Ж. Лафонтен (1621 — 1695), чьи сюжеты использовали баснописцы разных поколений — А. П. Сумароков. И. И. Хемницер, И. И. Дмитриев. Первые опыты Крылова в басенном жанре также были восприняты современниками на фоне произведений Лафонтена. В рецензии на первую книгу его басен (1809) Жуковский писал, что Крылов «занял у Лафонтена (в большей части басен своих) и вымысел и рассказ, следовательно, может иметь право на имя автора оригинального по одному только искусству присваивать себе чужие мысли, чужие чувства и чужой гений» (Вестник Европы, 1809, № 9). Позже Жуковский пересмотрел свою позицию. В «Конспекте по истории русской литературы» он писал: «Басни Крылова почти все оригинальны... Он является философом-наблюдателем и чудесно рисует то, что происходит пе-

ред его глазами. Его басни — богатая сокровищница идей и опыта» (Жуковский В. А. Эстетика и критика, М., 1985, с. 323). Ср. с оценкой Загоскиным творчества Крылова в письмах к Н. И. Гнедичу от 20 октября 1821 г. и И. А. Крылову от 29 февраля 1838 г.

[^^^]

...в «Маркизе Глаголе»... — «Приключения маркиза Г...» (СПб., 1756 — 1758) — русский перевод романа А.-Ф. Прево «Записки знатного человека, удалившегося от света».

[^^^]

...воскресить нового Вертера... — Повесть И. Б. Гете (1749—1832) «Страдания молодого Вертера» (1774) была очень популярна в России в конце XVIII — начале XIX в.; вызвала ряд подражаний.

[^^^]